

16+

БЕСПАЛОВ. С.

ОРДЕН ХОХОЧУЩЕГО ПАТРИКЕЯ

Сатирическая повесть.

иди
всегда
прямо

Сергей Беспалов

Орден хохочущего Патрикея

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29837688
ISBN 978-5-906416-18-6

Аннотация

Действие ночи ослабевало, испарялось с первыми лучами солнца. В дальнем углу комнаты, на дырявой, как дуршлаг, соломенной циновке, спал хозяин, обнявши чумазой рукой уродливую деревянную лошадь. Похрапывал.

Предрассветную идиллию внезапно нарушил стук в дверь. Тяжелые глухие удары, предположительно, чьего-то пудового кулака не смогли разбудить спящего: а он, поскреб пяткой о пятку и кардинально сменил тональность храпа с баса на фальцет. Стук, усилившись, повторился. В конечном итоге, дверь, распрощавшись с замком, хрустнула и гостеприимно распахнулась, едва не слетев с петель.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Беспалов

Орден хохочущего Патрикея

Предисловие

Действие ночи ослабевало, испарялось с первыми лучами солнца. В дальнем углу комнаты на дырявой как дуршлаг соломенной циновке спал хозяин, обнявши чумазой рукой уродливую деревянную лошадь.

Похрапывал.

Предрассветную идиллию внезапно нарушил стук в дверь. Тяжелые глухие удары, предположительно чьего-то пудового кулака, не смогли разбудить спящего, а он, поскреб пяткой о пятку и кардинально сменил тональность храпа с баса на фальцет. Стук, усилившись, повторился. В конечном итоге дверь, распрощавшись с замком, хрустнула и гостеприимно распахнулась, едва не слетев с петель.

В комнату вкатились три пестро одетых молодца: судя по манерам и обмундированию из числа тех, кто не дает оскудевать имперской казне, то есть из гвардии Поднебесной – оплота государственности – люди, похоже, серьезные. Такие от нечего делать по утрам шастать не станут: или кто-то что-

то нарушил, или кто-то донес...

– Эй, вы! Поднимите-ка этого спящего красавца и усадите. Да попрочней закрепите-то! Ему надо много вспомнить и еще больше рассказать, – рявкнул старший из троицы, указывая пальцем на виновного, несмотря на шум раскати-сто храпящего в соломе. Приказ был выполнен расторопно. Двое гвардейцев подхватили тело под микитки, встряхнули, утвердили вертикально на колченогом топчане, после чего окатили водой и пару раз съездили по морде – для тонуса. В общем, привели в чувство.

– Исполнено! Очнулся. Говорить может... Кажется...

Старший приблизился к очумело тарачившемуся бедолаге, наклонился и сурово посмотрел прямо в глаза: – Ты, подлец, понимаешь, кто перед тобой?! Я, то есть мы – из гвардии светлейшего императора нашей светлейшей державы! Мы тут не просто так! Мы на страже закона! Нам государь покой и порядок доверил! И никто! Заметь, никто – и тем более ты – не уйдет от наказания! Уяснил?! А теперь, давай, напряги память и живо говори: куда дел? И сколько? Кто сообщники? Детали не забудь! А то без суда и следствия сбросим тебя с Великой Стены – и весь сказ! Вы! – обернулся он к помощникам, – что застыли-то?! Продолжайте искать!

Пока грозный страж законов Поднебесной произносил свой, в высшей степени убедительный монолог, хозяин каморки поглубже втянул бритую голову в узкие плечи, пару раз горько всхлипнул и задумался о жизни.

Да... Все-таки хорошо ему жилось раньше! Днем плел незатейливые циновки, по ночам сочинял немудреные стишки. И тут – здрасьте-пожалуйста, как снег на голову свалились эти два проходимца!.. Напомнили ему, что был, конечно, у него талант монетки изготавливать – от императорских ни за что не отличить... И медали... Был. Но он же – Будда – свидетель! – поначалу отказывался, как мог. Сопrotивлялся! Но, слаб человек! Сначала напоили допьяна, лиходеи. Усадили в шашки играть на интерес. Дальше, понятное дело – проигрался вдребезги. А тут предложение: ты, мол, медальки чекань, а мы продавать будем. Все разбогатеем. Про долг – не вспомним! Как отказаться?! Медалька-то приметная: сама золотая, а по центру – лисья морда зло скалится, зубы кажет. Вылитый – Божественный Сын Неба! Этих медалек на императорском монетном дворе напечатали самую малость. Видно, решил государь, что сходство его священного лица со звериным подрывает основы основ и плодит крамолу. И ведь не ошибся! Подрывает! Пока Владыка Десяти Тысяч Лет неусыпно печется о благоденствии подданных, строит Великую Стену, на которой, кстати, эти неблагодарные мрут как мухи, он – тля предательская – фальшивки осмелился делать! На доход государственный посягнул! Подлец он, конечно, но не конченный: вместо золота – медь взял, а вместо зверского оскала отчеканил лисице улыбку во всю пасть! Чтобы, значит, сразу всем было видно – не настоящая медалька. Чтобы искусителей этих с поличным взяли

и наказали примерно! Ан, не вышло! Сюда пришли... Где они теперь, медальки веселые?.. Ох! Он же их сам, пьяный, вчера по округе раскидал... Может, дома и не осталось ни одной... Может, пронесет... Не найдут...

Он робко приоткрыл глаза и посмотрел на главного: увы, очевидно, гороскоп на сегодня кое-кому удачи не сулил. Страж Империи, сладко улыбаясь, вертел в пальцах золотистый кругляш, с которого – никаких сомнений – улыбалась злополучная лисица. «На кол посадят или так, пожизненное?..» – потекли в голове тоскливые мысли.

– Нашел! Я его нашел, сянъшен!

Радостный возглас одного из гвардейцев отвлек главного от медитации над медалью.

– Смотри-ка! Почти новый! – он приподнял ветошку, под которой притаились медный аламбик с трубочкой-спиралью и спиртовка. От находки нестерпимо разило какой-то перебродившей кислятиной: – Фу, воняет! Видно, вечером вчера гнал. Ты что ж, шельма, самогоном промышлять вздумал?! Рисовкой, значит... Решил, не узнают?! А пошлину кто платить будет?! Ли Бо?! Собирайся! В яме поразмышляешь!

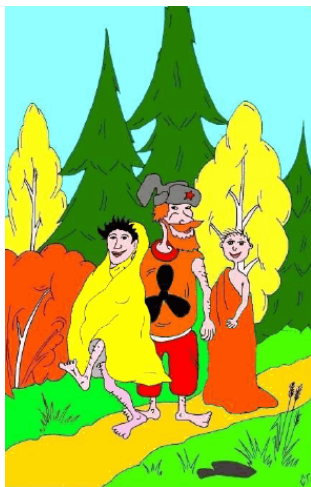
– Сянъшен! – внезапно подал голос один из бойцов. – Прости, что осмелился, но яма-то занята... Помнишь, ты вчера еще сетовал, что туда теперь и кот не поместится?

– Кот?! Какой кот? А, точно!.. Значит, так! Ты, злодей, за плетями после обеда придешь. И заодно деньги в казну принесешь. И нам за беспокойство. Все понял?! – он еще

раз задумчиво посмотрел на медаль. – Надо же, улыбается лиса-то. И на Императора нашего похожа, пусть живет он тысячу лет и больше. Только Сын Неба грозен, улыбаться не станет!

Доблестный воин сунул блестящий кружок в карман, но тот проскочил сквозь дыру в подкладке, глухо шлепнулся перед порогом на земляной пол. Так и остался лежать, незамеченный.

Как только гвардия покинула каморку, до смерти перетрусивший хозяин подобрал медаль, покидал в котомку вещички и немедленно покинул жилище через окно. Велика Поднебесная – авось, не отыщут! Только ненадолго задержался у подножья строящейся Стены, достал злополучную фальшивку и запулил ее как можно дальше. «Награда» еле слышно брякнула о камень и сгнула где-то в траве.

Глава 1

А по ночам мне снится конь...

О том, как старая лошадь разбила лоб и мечты

Ночной город, уютно устроившийся в лощине между бархатными сопками, напоминал кита. Огромного черного кита, которого внезапная волна выкинула на берег, и теперь он тяжело дышал всей своей стопудовой тушей и подавал признаки жизни: моргал фонарями, сигналил автомобильными клаксонами, хрипел докучливыми шлягерами из злчных заведений.

По статистике на двадцать девятое февраля текущего года в туше кита, то есть города, проживало энное количество добропорядочных и не только налогоплательщиков, а с ними коты, собаки, голуби, воробьи и прочая. Из достопримечательностей в городе имелись деревянная пожарная каланча и деревянная же статуя черепахи, вышедшая из-под резца местного ваятеля-алкоголика. Центральную площадь традиционно украшала лужа размерами с небольшое озерцо, чья глубина варьировалась от времени года, но даже самое засушливое лето не избавляло горожан от опасной переправы по хлипким мосткам. А на окраине города высилась титанических размеров навозная куча, которая наводила на мысль, что бесчисленные стада мамонтов водились здесь еще вчера.

Город пересекали три дороги, две из которых, бесследно впитав вековой бюджет дорожного хозяйства, заходили в тупик. А третья, служащая связью с внешним миром, состояла в основном из ям, ухабов, тектонических трещин, и чинить ее никто не собирался. Все равно раздолбают – если не грузовики с тракторами, то скейтбордисты и велолюбители.

По этой самой дороге, навстречу огням небольшого города шел человек. Он с трудом передвигал ноги под тяжестью всевозможного походного скарба, очевидно рассчитанного на долгое путешествие. Звали человека Никанор, а по отчеству... Впрочем, отчество никакого значения не имело, потому что был он «перекати-поле», авантюрист, искатель Золотого руна, золота Колчака и других, разбросанных по белу свету кладов, которые не успели еще достаться другим авантюристам.

В этом крайне неудобном и даже опасном образе жизни виновата была мечта, пустившая корни еще в Никаноровом босоногом детстве, с годами выросшая прямо-таки в пламенную страсть.

Наш герой рос любознательным и абсолютно бесстрашным ребенком. Благодатное сочетание этих двух качеств время от времени наталкивало родителей на мысль, что с таким задором сынок долго не протянет, и, может, стоит придушить мерзавца прямо сейчас, чтоб не мучился.

Тятенька, обладатель громадных кулаков и такого же размера души, закусив после третьей, пророчил отпрыску или

великое будущее, или преждевременную кончину: «Ты у меня, Никанорка, хоть и бестолочь, но любопытство имеешь. Считай, Ломоносов. Михал... Как его?! Сергеич... – выпивал четвертую, хрустел огурчиком и резюмировал: – Ждет тебя великое будущее. Ученым станешь... или сдохнешь под забором, идиот!» Сынок же, после противоречивого папенькиного прогноза не мучился туманностью предсказанного, а немедленно мчался дальше, чтобы сунуть свой нос «куда не следует».

Судьба юного Никанора определилась в высшей степени нелепо и неожиданно. Одним теплым августовским вечером он, накушавшись недозрелых слив, был вынужден торчать в отхожем месте, полистывая потрепанный номер какого-то безымянного журнала. Там и попалась ему на глаза роковая статья! В ней самым занимательным образом рассказывалось об искателе приключений, который в поисках редкой золотой монеты и других ценных, а главное – ликвидных! антикварных вещиц побывал в сотне стран и исплавал десятки морей. Последние страницы истории были утеряны, но по всему выходило, что тот горе-путешественник ничего особенного не нашел, а значит, сокровища еще покоятся на своих местах, дожидаясь Никанорова прихода. Идея поиска кладов поразила в самое сердце и завладела им полностью, как первая любовь.

Довольно скоро стало очевидно, что это дело требует серьезной теоретической подготовки.

Молодой человек зарылся в книги и справочники, собирал слухи и версии. Информация стоила денег. Чтобы добыть необходимые средства, Никанор сдавал макулатуру, металлолом и пустые бутылки. Сбыл даже бабушкин старинный серебряный самовар. Правда, родственники не считали эту сделку коммерчески успешной: заплатили ему за семейную реликвию как за медный лом. Но всем известно, что враги человеку – домашние его, и нет пророка в своем Отечестве!

Итак, все было готово к тому, чтобы птица удачи стала его постоянной спутницей – как попугай при пирате. Единственное, Никанор никак не мог выбрать: то ли для начала попроситься в компанию к бывалым авантюристам, то ли искать свой собственный путь. Чтобы все-таки определиться, он приобрел у старьевщика репринтный путеводитель, третий том энциклопедии, начинавшийся с буквы «з», и непонятного генезиса книжонку, где были собраны воспоминания разных товарищей, представляющих, якобы, где зарыты клады. Среди записей попадались перспективные и не очень. Например, запутанная история про китайский орден с лисьей мордой на аверсе: то ли скалилась лисица, то ли улыбалась, то ли на императорском монетном дворе печатан, то ли фальшивка – ничего не понятно. Как такое искать?! Можно всю жизнь положить, а остаться с носом! Лучше уж пустыни вскапывать. Авось, подфартит как Шлиману – какая-нибудь Троя отыщется.

Ветеран труда, заслуженный и старейший служащий пожарной каланчи по прозвищу Гриб-Папирус смотрел в такую же заслуженную, как он сам, самодельную подзорную трубу, тщась узреть источник шума, мешающий ему, человеку тонкому и чувствующему, сосредоточится, наконец, на глобальных проблемах мироустройства. Он сперва направил окуляр в небо, но ни инопланетян-захватчиков, ни каких-нибудь случайных метеоритов не обнаружил и переместил дуло трубы вниз, к земле. Причиной недопустимо громких звуков были четверо молодых людей и одна деревянная черепаха, которую они волокли, беспрестанно роняя и переругиваясь. Гриб-Папирус напрягся: это была не просто черепаха – памятник деревянного зодчества, достопримечательность, местная «Пизанская башня».

Появление этой, с позволения сказать скульптуры в городском ансамбле произошло довольно стихийно. Народный умелец, который отчего-то возомнил себя художником, предложил эту черепаху на конкурс ледяных фигур. Жюри мероприятия пришло, мягко говоря, в замешательство от выбора материала, но горе-Роден ныл, что «на лед у него аллергия», а еще «он автор и так видит». Несмотря на аргументы, скульптура была отвергнута. Однако это не остудило пыл: он принялся возить сосновое пресмыкающееся на

все мыслимые и немыслимые фестивали. Черепаха собирала утешительные призы и почетные грамоты.

Последним стал конкурс блинопеков. Художник как всегда приволок деревянного уродца, установил в центре площади, но, вопреки обыкновению, вдруг заявил, что устал доказывать что-либо невежественным обывателям, соревноваться ни с кем не желает, дух соперничества утратил: что победа, что поражение – ему все равно.

Горожане прослезились от счастья! Накормили призовыми блинами и вздохнули спокойно. А черепаха так и осталась стоять, покрываясь с северной стороны мхом, а с южной – пылью. И сто лет простояла бы! Если бы не четверо балбесов!

Искатель приключений, который, войдя в город, заметно прибавил шаг, тоже обратил внимание на молодых людей, совершающих странные манипуляции с не менее странным объектом. Никанор не отводил взгляда от действия, но при этом сохранял быстроту передвижения. В общем, со столбом он встретился на полной скорости...

Удара Гриб-Папирус, конечно, не услышал, только увидел. Зрелище – не для слабонервных. Он тяжело вздохнул, спрятал трубу в шкаф и поспешил вниз – выручать разиню.

– Ты кто будешь-то? – участливо поинтересовался он у Никанора, сумевши, наконец, усадить последнего. Вопрос был отнюдь не праздный: после столкновением со столбом пациента пришлось приводить в чувство не меньше получа-

са.

– Не знаю... – прошептал Никанор, ощупывая на лбу огромную шишку, и жалобно добавил: – Ничего не знаю...

Никанор забыл все: кто, откуда, как оказался здесь. Он забыл о кладах и раскопках, об Атлантиде и Трое, о золоте скифов и могиле Тамерлана, даже о китайском ордене с мордой хохочущей лисы.

* * *

– Ну, почему всегда так?! Вот, всегда! Ничему жизнь не учит! А я предупреждал! Говорил же: оставь, не пей. Особенно, если единственным леденцом закусывать и при этом лопатой на жаре махать – можно и кони двинуть!

Горестный монолог не произвел никакого, даже психотерапевтического эффекта. Лохматый тощий парень облизнул растрескавшиеся от жары и пыли губы, перевернул выцветшую бейсболку козырьком назад, зачем-то протер черенок заступа и снова с ненавистью посмотрел в сторону друга, мертвецки прикорнувшего на краю раскопа. У беспробудного тела товарища крутилась приبلудная псина и с интересом облизывала его руку. Парень негодуяще плюнул:

– Ведь клялся, сволочь! В грудь себя бил! Еще утром пузырился: не буду, мол, только если вместе вечером посидим у костра культурно... Посидели! Собаку эту шелудивую привадил! Толку никакого – только жрет! Нюх у нее... На харчи

у нее нюх! С какого перепуга она будет древние захоронения искать, когда свежие макароны есть?! Говорил же этому убогому: «Давай квасом торговать на разлив». Между прочим, верная прибыль, если знать, где стоять. Нет! Ему же экспедицию подавай! Историко-культурное наследие, бла-бла-бла! Чтобы сразу обогатиться и прославиться: два в одном! Прямо, шампунь-кондиционер! Как же! Разбогатеешь тут! Третий месяц под этой стеной ковыряемся! Надо было с остальными сваливать еще неделю назад. Ловить здесь нечего. Спирт закончился, крупа тоже. Дальше только из этого пса рагу по-корейски готовить!

Парень похлопал себя по тощей ляжке, собака неуверенно вильнула хвостом, но подходить не стала.

– Что смотришь?! Боишься, съедим тебя? Не переживай! Скорее, ты – нас! – он тоскливо огляделся. – Все-таки Валек злой в работе-то. Особенно, если выпьет. Вон, целую траншею выкопал! А что здесь найдешь?! Разве, зубы китайцев, которые Великую Стену строили...

Он зло крикнул и потянул спящего товарища за лодыжки. Тяжелый! Но делать нечего: не бросать же! На том месте, где только что лежало Валькино туловище, что-то неожиданно блеснуло. Он нагнулся: монетка?.. орден?.. Может, и золото... Лиса какая-то. То ли улыбается, то ли грязь налипла... Неужели что-то стоящее попало?! Да вряд ли! Не прет им с Вальком! Как сначала не пошло, так и продолжается! Возвращаться надо! Назад в цивилизацию!

Парень небрежно сунул находку в карман и, подцепив друга за шиворот, снова поволок его в сторону палатки.

Глава 2

Трезвый расчет

О том, что если когда то что-то хочется делать – не значит, что это делать можно

Ночь была немножко душновата, незатейливо загадочна и кристально честна перед обывателями. Даже сноп ярко-желтых искр с некоторым красным оттенком, выбитый столбом из лба искателя золота и приключений, не мог нарушить ее лирического настроения и таинственности. Если б не тяжелый запах, мерно окутывающий ближайшие окрестности и канавы, исходящий от грубо наваленной на окраине города кучи навоза. Кто и когда навалил эту гору коровьего дерьма, было большой загадкой и неразрешимым ребусом для всех законопослушных обывателей. Не удивлялись этой горе только представители местной фауны – желтые мухи и королевский пудель с благозвучным именем Блудоход, забравшийся в самый центр, погреть свои старые собачьи кости. Да встретившийся со столбом Никанор тоже уже ничему не удивлялся. Он просто забыл, как это делать. Поэтому, не обременяя свое сознание этим чувством, просто сидел и пускал слюни. В самом центре этой исторической феноменальной кучи стояли, вежливо обнявши друг друга, дабы не рухнуть без памяти от целебной вони, два местных

авантюриста и мечтателя. Первый, судя по резиновым сапогам и причёске, был старшим в этом тандеме. Джинсовая пара, кожаные краги, дабы ненароком не замарать свои руки, и высокие, по пояс, болотные сапоги. Впрочем, не спасающие от желтых мух, стойкого запаха и идиотского нытья напарника. Вцепившегося мертвой хваткой в железную палку транспаранта, на полотнище которого резко отсвечивали ярко-красные, зовущие в неизведанную даль буквы «НАПЛЮЙТЕ НА ВСЕ. МОНГОЛ И ТАТАРИН. ЛЕТИМ НА ЛУНУ. КАК ЖОРА ГАГАРИН...» Почему Гагарин, Жора. И почему плевать на все должны потомки Чингисхана – концессионеры объяснить не могли. Потому что и сами этого не понимали до конца. У стильно продуманного хлопца было звучное, емкое имя Эдуард. Впрочем, на Эдварда, Эдичку и Эда он тоже незамедлительно отзывался. В зависимости от параметров настроения и авантюры, под какое имя она исполнялась. Образованием Эдвард похвастать не мог. Но был начитан и беспредельно нагл. Имел в себе средний рост, обезоруживающую белоснежную улыбку и твердое убеждение, что его авантюры и бредовые идеи должен поддерживать весь мир. Мозг его просто воскипал от всевозможных идей и новаторских проектов. Включая в себя строительство всевозможных пирамидальных туалетов, поддерживающих связь с параллельными мирами. До продажи огородов на близлежащих планетах. Исключая Луну. Так как там уже все давно было продано другими, не менее озорными

авантюристами. Но народ, окружающий Эдварда, был отчасти поумневшим, пропустившим через свою жизнь таких деятелей, как граф Калиостро и остальных Мавроди, не хотел спонсировать ни строительство телемоста через океан, ни копать метро в соседнюю деревню. Поэтому все идеи обогащения за счет патриотизма и просвещенности местного населения так и остались в голове. Но отложенными до более подходящего случая. Второй же концессионер был зрел. То есть был уже в таком возрасте, когда кроссворды и домино заменяли вино и женщин. А милый диван принимал формы хозяина и не выпихивал его на дождливую улицу в поисках желанных приключений на свою задницу. Именовали сего старца Адриан. В тутошнем мире и за пределами его – просто Зуля. Худой, почти двухметрового роста. С козлячей бородачкой и чапаевскими усами. Длинными, почти до колен руками и ярко-голубыми, очень умными глазами. Образования Зуля имел аж четыре и до определенного момента работу, и не очень умную, но красавицу жену. Но однажды, как все знают, всему хорошему наступает предел. Пришел предел и в жизнь Зули. Завод, где вырабатывал свой стаж четырежды одаренный, Адриан, вдруг в одночасье стал никому не нужен. Назвали это все иноземным словом «Конверсия» и обязали сие предприятие, чтобы сотрудники не потеряли драгоценный опыт и сноровку – выпускать пока сугубо мирную продукцию. А то: шумовки для слива макарон и вилки с ложками. Но коллектив, иногда задумывающийся о ре-

шении даже теоремы Пуанкаре, восстал и отказался променять свои знания на резиновые изделия. И ушел весь, хлопнув дверью. Продавцами в ларьки. Дворниками. И прочими грузчиками. В миру талантов и конкуренции Зулиного опыта хватило только на разгрузку огурцов. Но земля не остановилась. Жена его по-прежнему любила и лелеяла. Правда, почивать стала отдельно. Да и местный водопроводчик к ним зачастил с маниакальным упорством – починять трубы и батареи в ее спальне. Когда вагоны с солеными огурцами в стране закончились, а вместе с ними и прибыль от работы, женошка в присутствии неугомонного сантехника объявила, что в стране, включая их квартиру, намечается технологический прорыв. По ремонту теплотрасс. Поэтому на время этого прорыва Адрияну лучше съехать куда-нибудь. Вот так Зуля и оказался в этой куче дерьма, по самому ее центру. Мужика, врезавшегося в столб, они не знали. А вот добровольного санитаря, хлопотавшего рядом, узнали сразу же. Гриб-Папирус.

Собственной персоной. Работник каланчи и пожарного шланга. Знали и о том, что за непрерывный трудовой подвиг, совершенный в своей жизни, просидевши бессменно на пожарной каланче более полувека, он предоставлен к награде. А мэр городка, незабвенный Глеб Егорыч, в паре со своей секретаршей Клавдией, эту награду ему и посулил. Правда, где ее взять – не додумались. Хотели сначала значок нацепить, юбилейный. Восемьсот лет Мухосранску. Но

передумали. Извлекли медаль «Мать-героиня третьей степени», но тоже отложили до лучших времен. Ну, а уж знак почетного донора вообще ни туда ни сюда. Выручила Клавдия. У нее на днях два знакомых археолога перед следующей экспедицией отдыхали. Так они ей какую-то медальку оставили, в счет уплаты за уют и самогон. Вот ее и решили сбавить деду. А чтобы тот сильно не придирался к награде, решили все обставить торжественно и научно. Ну, с водкой, салатами и прочими артистами музыкального и не только жанра. Для вторых даже выписали шест из Турции. С нержавейками и стразами от Сваровски.

* * *

Ну, где ты, старый перечник? Опять с каким-то забулдыгой якшаешься. Завтра поутру у тебя торжество. А ты? Кила косоглазая. Напитки жрешь? Ночь уже. Вечно у тебя переработки. Все уже дома, чай пьют. Кроме тебя, меня и этих двух дебилов в навозе. Видно, заночевать там решивших. И чего ты мне пальцами тычешь, на кореша своего бестолкового. По харе его вижу – халявщик он. Вон слюну пустил по роже своей счастливой.

– Собирайся, – пропела речитативом под ухом деда неизвестно откуда взявшаяся и любимая тридцатая гражданская жена старого огнеборца. Приподняв ласково и беспардонно дедушку за волосья, мычащего аки корова недоеная и тыча-

щего пальцем в Никанора и космос.

– Да вижу уже. Столб делов наворотил? Беспокойный. Справедливый. Да пойдем уже. Дома разберемся. И пострадавшего с собой заберем. Не мычи. Заберем. Оклемается, огород вскопает.

Закончив диалог и закинув за спину очумевшего Никанора, лучшая в мире жена двинула в сторону города. Труден и беспокоен был их путь домой. Но ничто не могло изменить их направления. Ни периодически становящийся мокрым Никанор. Ни косые взгляды в их сторону Зули и Эда. Ни попавшийся навстречу, бежавший как спринтер, запыхавшийся донельзя маленький местный грек.

* * *

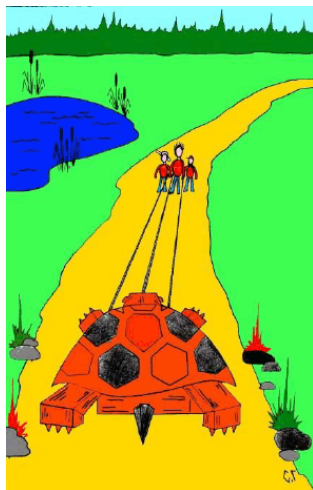
Президент заокеанской трансатлантической организованной корпорации. А также владелец газет, парохода и прочих удовольствий, включая бесплатный проезд на спине верблюда в местном Диснейленде. Сэм Брэк. Он же Семен Никанорович Брюхо – был человек отважный, романтичный и склонный к вселенскому обману, подлости и накопительству. За океан, на постоянное место жительства он попал совершенно случайно. Но помнил точно одно, что всегда этого желал. Желал, когда менял значки на жевательную резинку у заезжих иностранных гостей. Желал, когда за эту самую резинку по принуждению разреживал пилой лесные таежные

кущи. Желал, когда эту самую резинку и остальные сопутствующие ей валюты можно было уже свободно покупать. А не клянчить со слезой на глазах. И это желание в одночасье материализовалось. На новом месте жительства, путем некоторых отклонений от этики и морали, удалось сколотить себе капитал. Приобрести друзей и врагов. А также нажить привычки и сопровождающие их болезни. И было у Сэма Никаноровича большое, большое хобби. Настолько большое, что не жалел он на него ни сил, ни денег, ни нервов. И забросил он остальные хобби и интересы, и друзей, и поиски своего папы. Которого искал всю свою веселую коммерческую жизнь. Любил он старину неизведанную. И богатства этой старины, разбросанные по свету как попало. На данный момент он был заинтересован в обладании чашей Грааля и мечом нибелунгов. Но те пока в руки не давались. А давалась в руки и в коллекциях всякая кутерьма, типа затопленного испанского гелиона с золотом инков. Или шлема Александра Македонского. Было, правда, здесь недавно интересное событие. Приволокли ему коллекцию орденов старых, китайских. С лисой смеющейся. Девять штук. Как одну. Говорили: есть десятая. Самая главная. Но где она – никто не знает. Сказали: кто владеть будет всеми, тот владеть будет всем.

Заинтересовали. Пришлось купить все. Оптом. В долг. Вот теперь сидел перед картой мира и решал вопрос: где начинать копать землю и осушать реки, дабы ценный экземпляр не выскользнул из рук загребущих. И вопрос, похоже,

решался положительно, путем исключений и анализа. Воды на шарике – три четверти поверхности. Там его точно нет.

Исключаются жаркий континент и холодная Сибирь. Новая родина и окрестности тоже. Остается?.. Вот в это остается и будут посланы курьеры. Много, много курьеров. Много, много, много курьеров. А когда десятая медаль будет рядом с остальными, то можно будет сказать: жизнь удалась.

Глава 3

Товарищество бредовых идей

Утренние хлопоты одевания и собирания на торжественное награждение по случаю непрерывной и бескомпромиссной службы на пожарной каланче вывели б из себя даже флегматичного человека. То дедушке не подходил старый новый костюм. То челюсть не хотела вставать в рот на положенное для этого место. То притащенный с улицы новый знакомый Никанор категорически отказывался вставать с постели. Где ему было тепло и мягко. Вывели бы из себя флегматичного. Но не жену Гриба-Папируса. Она-то в своей жизни повидала столько, что аж троим Грибам хватило бы с лихвой. Поэтому вопрос был решен быстро и без колебаний. Короткий удар в печень сходу решил вопрос с торжественными обновами и месте в строю, ленивого, ушедшего в детство Никанора.

– А чего, этого тоже с собой берем? – с недоумением задал вопрос огнеборец, неприязненно окидывая взглядом нового, пускающего пузыри друга.

– Берем? Нет, дома оставим. Чтобы когда пришли, ничего и никого не было. Ни сапог. Ни твоего нового комбинезона. Ни ложек. Кто его знает, может, придуривается. А сам сообщает все. Уйдем, и начнет рыскать по дому. Нет. Пусть с

нами идет. Оставим его у почты. На скамейке. Там подождет. Как наградят тебя, выйдем и заберем его. Обрато.

– Как? А на торжественное чаепитие? Чего? Не останемся?

– Останемся, конечно. Но ненадолго. Дома справим.

Дорога до представительства властей заняла короткое время, так как находилась почти рядом, через улицу. Оставленный на скамейке у почтамта Никанор продолжал пускать слюни, а дед с молодой гражданской женой зашли в здание напротив. Их там уже ждали. Или не ждали. Не поймешь. В помещении со всей силы гремела музыка. Раздавался звон бокалов и хлопанье открываемого шампанского. В темных закутках уже звучали пьяные томные речи. А в центральном зале громкий голос главы вещал о дружбе и дорогах. Но на пришедших внимания категорически никто не обращал.

– Видишь, дед. Как торжественно обставили твое награждение? Но. Мы здесь надолго не останемся. Выпьем за орден. Перекусим. И домой. Ой, как вкусно воняет. Сейчас за стол пойдем. Молодой человек... Молодой человек... Да, да. Вы. С этой палкой. Железной. Спросить можно?

Парень, одетый в модные, желтого цвета штаны, и тащивший никелированный шест в центральный зал, на минутку остановился и, расправив прямо скатившиеся в кучу пьяные глаза, спросил:

– Вы меня? Если вы меня, то я занят. Видите, шест несу. Сейчас приладим его, и Любочка-бухгалтерша нам стритиз

танцевать будет. В фанты проиграла. А если вы по поводу уборки помещений. То еще рано. Разгуляево началось недавно.

– Да нет. Мы по поводу награды. Это праздник в нашу честь. В его честь, – кивнула супружница в сторону открывшего рот старикана.

– Награды? Сейчас узнаю. Подождите. И с усмешкой, неся перед собой шест как копьё, вклинился в разноцветную веселую пьяную толпу. Ожидающую танца Любочки-бухгалтера.

Через три минуты к посетителям выскочила запыхавшаяся Клавочка и, с нетерпением оглядываясь назад, боясь пропустить танцы, скороговоркой выпалила:

– Здравствуйте, наш дорогой. Мы с нетерпением ждали... Мы с нетерпением ждем... Мы с нетерпением... В общем, вот медаль. Глеб Егорыч пока занят. Примет вас завтра по этому случаю. Вы пока идите. Идите. И извините. Семинар сейчас. Все потом. Поздравляю вас, – и торжественно вытолкала их на улицу. Подойдя к скамейке, где сидел Никанор, и подтерев каплю, бежавшую из носа, Гриб-Папирус оглядел врученную ему награду.

– Фуууу. Лажа какая-то. Да. Иного я и не ожидал. Не орден какой, а кругляш с лисой хитрой. Не денег кошель. А медаль. Обманули меня.

– Да ладно, старый. Оставь ее. Дома к значкам положишь. В коллекцию.

– Да не нужна она мне. Эта награда бестолковая. Накормили б лучше. Мы ж и не позавтракали дома. Да. Не позавтракали.

Мысли о завтраке поставили мозг на место, и Гриб-Папирус, повертев медаль с лисой в пальцах, протянул ее Никанору.

– На. Друг мой новый. Пользуйся. Прицепишь куда-нибудь. Кавалером будешь ходить, – и, развернувшись, взяв сумружницу под руку, сделал шаг от скамейки. Никанор принял подарок, попробовал его на зуб. Ласково погладил морду смеющейся лисы. И, улыбнувшись своим неведомым мыслям, с размаху запустил его в рыжего блудливого кота, собирающегося промяукать свои любовные песни черной блудливой кошке.

* * *

Напротив прекрасной, океанического размера лужи, в которой незапланированно утонула новая трамвайная остановка, построенная к десятилетию освоения поступающих бюджетных средств, стояла свежерыжепокрашенная пожарная каланча. С сиротливо и не по-родному приткнувшемуся к ней каменным тоскливым зданием. С броской вывеской «Бультерьер Баунти».

Судя по слою грунта на вывеске, название было не первое. И, похоже, не последнее.

Видно, все зависело от роста благосостояния и вечернего настроения хозяина сего заведения. Да и местные посетители сего шалмана знали наизусть каждое предыдущее название.

«Бультерьер Баунти» был намалеван на «Хаски Дусю». «Дуся...» на «Пуделя Люсю». «Люся...». на «Крота Зосю» а уж «Зося...» на «Петуха Гришу».

«Гриша», включая в себя всех остальных «Люсь» и «Дусь», был значным отстойным заведением, собравшим в себе распивочную, разливочную и домашний вырезвитель местного значения.

Хозяином сего предприятия был авторитетный бизнесмен. С незаконченным курсом обучения в ветеринарном техникуме, липовым дипломом какого-то Оксфорда и бронзовой медалью за покорение вершины горы Лимпопо. Впрочем, это не мешало ему без отрыва от производства заниматься понятными только его творческой натуре темными делишками и авантюрами. Именовали сего индивидуума Андре.

Простите. Андрей. Андре он стал позже. Когда «Люсю» переименовали в «Дусю».

Ко всем своим многочисленным дипломам и достоинствам Андрюша имел еще и ряд недостатков, позволивших в свое время получить в неторжественной обстановке «белый билет» и радостную невозможность посвятить свою молодецкую удаль армии родной и прочим, связанным с оной

структурам.

Андрей Джонович. А по бабушке он звался именно так. Плохо видел. Не очень хорошо слышал. Обладал страхом высоты и терял сознание в замкнутом пространстве. В общем, добропорядочные друзья и соседи сильно удивлялись. Как вообще он еще дышит и кушает. На заре своей трудовой деятельности, учитывая, что обладатель такого здоровья может работать только сторожем или вообще никем не работать, он не стал испытывать судьбу-злодейку и повис ярмом на шее матушки. Ожидая, что придут лучшие времена для его талантов и пороков.

И они пришли. Пришли внезапно и жестоко. Накрыв всех без разбора своей разноцветной волной желаний и вседозволенности. Не минула сия чаша и Андрюшу, свет Джоновича... Или Иваныча. Кому как угодно.

Посмотрел он на все происходящие перемены своим мутным хитрым глазом. И решил влиться однажды в это заманчивое неизвестное.

Но так как одному было не с руки осваивать новое ремесло, то он решил подключить к этому делу на правах подсобной силы двух местных отпетых... друзей. Аристофана и Годзиллу.

Познакомился с ними Андрей, тогда еще не Джонович, в местном отделении милиции. Где проходил суточное привлечение к физическому труду за оскорбление представителя власти при исполнении. И эти два товарища тоже были

привлечены к трудотерапии за скандал в общественном месте. А «свой свояка», как говорится, видит издалека.

На этой почве и познакомились.

Филипок. Он же Аристотель. Был тощий грек. Родом откуда то из-под Одессы-мамы. Ростом великим не получился вообще, но зато имел гордый орлиный нос, длинные руки и буйную фантазию. Часто игравшую против него и заводившую Аристофана в такие ситуации, что все перевалы Дятлова по сравнению с ними были просто детским лепетом.

Годзилла, в миру просто Фаля, был противоположностью кипящему натурой и идеями искрометному греку Аристофану. Полтора центнера упитанного бочкообразного тела на крепких кривых ногах венчали короткие волосатые руки. С кулаками очень похожими на пивные литровые кружки. И бычьей шеей, украшенной такой же бычьей, лысостриженной головой. Но при всей своей отвратительной, отталкивающей внешности, обладатель сего имел добрый и покладистый характер. Тоже нередко заводивший его, благодаря Аристофану, в невыгодные ситуации.

На тайном собрании, посвященном новообразованному сообществу, Андрей Джонович обрисовал будущие перспективы сотрудничества и выгоды от него. Посмотрев на молчаливые бестолковые кивки, означающие полное согласие с программой и выбранным курсом, распределил обязанности.

Аристофан отныне был спецкурьером по щепетильным

поручениям. А Годзилле отводилась роль местного «пугала» и куратора владельцев будущих притонов и пароходов. Себя же Андре назначил ни много ни мало, а... Доном. И, объявив себя членом итальянской фамилии в изгнании, принял несколько революционных законов и решений. Вот так вот, ни шатко ни валко и поползло это авантюрное дело. Андрей Джонович пытался засунуть свой нос во все возможные и невозможные дела. Первым, наиглавнейшим делом, как и положено местному дону, он решил обложить налогом всех и вся, кто хоть чуть-чуть связан с деньгами. Первыми в этот тайный список были занесены два, по его продвинутому мнению, очень богатых и непутевых товарища – Зуля и Эдвард. На этих двух друзей он положил свой алчный глаз ох как давно. И, как ему казалось, совершенно не напрасно. Эти два прохиндея, по его убеждению, давно занимались незаконным изъятием из карманов доверчивой публики ассигнаций и сбережений. Один только туалет, созданный по эскизам Пизанской башни и стоящий чуть ли не в самом центре города, чего стоил. И какую прибыль приносил своим владельцам. А продажа билетов и земляных паев? На сопутствующей Земле, планете? А реклама навозной кучи на дальних подступах к городу? Да мало ли чего еще они придумали? Поэтому в списке они были под номером один.

Но нахрапом богатства не возьмешь. И Андрей Джонович это прекрасно осознавал. Поэтому была разработана многоходовая комбинация с участием Филипка, он же Аристофан.

Фали, он же Годзилла. И некоего Миши. Он же не пойми откуда взявшийся оленевод.

О Михаиле-олeneводе хочется сказать несколько подробней. Так как эта неординарная личность интересна своим появлением в местных краях и своей сказочной бестолковостью. Повторюсь, извиняясь. Как и какими неведомыми путями сей оленевод оказался в здешних местах, никто толком не знал. Одни говорили, что он был изгнан из племени порядочных оленеводов за то, что умудрился оттащить и заложить в ломбарде кусок айсберга, в который якобы влетел «Титаник». Другие баяли наоборот, что все общественные деньги потратил на закупку этого раритета у проезжих цыган. Третьи кричали, что купил вообще не айсберг, а «Титаник». А четвертые вообще молчали и улыбались только своим понятным мыслям, крутя у виска пальцем.

Правду знал только Мишка. Но молчал как партизан, хотя история его появления была проста, как медный пятак. Решил он однажды поменять ориентацию духовную. То есть перейти из адептов идолопоклонничества и шаманизма в умеренные атеисты и непримиримые феминисты. И, следуя семейной традиции врожденной бестолковости и авантюризма, подговорил себя забраться поутру в чум к местному служителю культа. Дабы утащить дубовый бубен и утопить его в реке. Сказано – сделано. Как только шаман отправился в тундру за ягелем, Мишка проник к нему в чум и стал с остервенением искать нужную ему вещь. Нужных и милых сердцу

вещей в чуме оказалось на порядок больше, чем мог предположить оленевод. Всякие разные деньги. Желтый металл. Водки всякие. И музыка. В общем, сумка была полная. Только для бубна в ней места не было. Мишка плюнул от досады, но место освободить не стал. А тихонько вышел из чума и побрел восвояси, ругая большой бубен и хозяина этого бубна. В тундре Мишку пьяного и нашли. Без музыки, без сумки, без водок и... без передних зубов. Но зато мокрого и счастливого. И порешили на совете изгнать его из правового общества. Дали двух оленей впридачу. Одного хромого, старого. А второго молодого, но деревянного. В виде флюгера на крышу. А... И жену еще пятую. Клепу. Тоже дали. В нагрузку. Чтоб не скучал. Так и покинул на радостной ноте стойбище свободный от морали и обязательств Мишка-олeneвод. Но радость свободы была недолгой и испарилась как утренний туман, только лишь на начальном этапе долгого пути возникла группа чернявых попутчиков. Михаил, в отличие от чернявеньких, встрече не обрадовался. Те же с радостью и непонятным говором без конца хлопали оленевода по затылку, спине и карманам. Облазали вдоль и поперек сани. Отвязали оленя. И увели куда-то ошалевшую от счастья Клепу. Особенно бесчинствовал малый с сережками. Мишка с точностью определил, что он старший. Только от него одного подозрительно воняло одеколоном, очень напоминавшем шаманский парфюм. Под занавес этой внезапной радостной встречи они заставили Мишку играть с ними в какую-то чу-

десную игру. Где под пивной кружкой надо было найти какой-то шарик. Два раза оленивод расстарался и выиграл. За что был награжден. А потом фортуна перестала улыбаться Мишке совсем. Что привело его к ожидаемому банкротству. Его принудили еще пару раз сыграть в долг и после прекрасно проделанной работы отобрали все, включая расписку на мороженого мамонта. В которой говорилось, что если Мишка найдет на бескрайних просторах страны оного, то должен будет выслать его тогда-то и по такому-то адресу. Адрес говорили всем табором, снимая лыжи с оленя и Михаила. Прощание с чернявыми и Клепой, оставшейся с ними в качестве залога, было не долгим и не бурным. Запомнилась только пятая жена, вертящая пальцем у виска. И наталкивающая своими действиями на мысль о суициде. Но Клепа Клепой. Палец пальцем. А жить как-то надо, вопреки всем бедам, внезапно свалившимся на глупую голову. Оглядевшись по сторонам, Михаил решил здесь и остаться, в сих местах. И выдавать себя добровольно за целителя тел и душ человеческих.

Вот его-то, вместе с Филипком Годзиллой, хотел задействовать в своей следующей афере Андрей Джонович. Да и еще были некоторые наметки в планах авантюриста. Но не настолько важные, что требовали мобилизации всех имеющихся средств и сил. Прознал он недавно, что у Клавки-секретарши наместни ночевали два каких-то геолога или археолога. И по причине безденежья и скудоумия оставили ей при расчете за чистую постель и обильный ужин какую-то не то

медальку или орденок иноземный. Ценность не объявлялась. Но вещь старая и сама по себе чего-то стоит. А если и не стоит, то все равно пригодится. Но это потом. А сейчас была отдана команда Филиппку, чтоб он позвал для беседы этих двоих. Которые сейчас в куче навоза. Стоят...

Глава 4

Едва переступив порог богопротивного заведения, куда их с Зулей под торжественные разговоры и упреки затащил реактивный Аристофан, Эдвард понял, что если человеческая фантазия и не имеет границ по своей извращенности и полету мысли, то здесь она перешеголяла всех и вся.

– Закройте рот, коллега. И держитесь за карманы. Последнее вытянут, – почесывая подбородок, прошептал ошарашенный командующий жульнического звена. – Ну и местность. Как в планетарии. То есть в кунсткамере. Нет. Как в этом... – но где, в этом или где в том, в голову категорически не лезло. Сравнить было не с чем.

Круглый, в сигаретной дымке и чуть-чуть подзагаженный зал был как бы разделен на четыре части. На четыре исторических эпохи. Со своими предметами быта и со своим микроклиматом, окружавших этих последователей зарождающегося капитализма и беспросветной глупости, которая с завидным постоянством побеждала все исторические эпохи.

Первая четверть зала состояла из голой кирпичной стены и бетонного пола, покрашенного серой шаровой краской. На фоне которой были намалеваны плывущие грязно-желтые облака, с посаженными на них такими же грязно-желтыми зайцами. Вторая четверть была завешана кривыми зеркалами. Настолько кривыми, что даже уже не могли иска-

зить окружающую действительность. На полу были те же самые зайцы. Такие же грязные. Но розовые.

Третья была без зайцев. Но железная, холодная и темная. Временное нахождение в ней вызывало чувство апатии, страха, желаний взять в долг и скрыться.

Ну а четвертая? Ну а четвертая была одновременно и простая, и сложная. Как жизнь. С инь и с янь. А также противоположностью железных кривых зеркал и грязно-желтых облаков. Вызывая честно заданные вопросы и получая при этом нечестно данные ответы, но нисколько не оставляя времени на внутреннее размышление. Убеждая всех и вся, что все-таки мир это мир. А жизнь наша не игра.

Посередь четвертого отсека как бы в отместку человеческой природе была намалевана синяя русалка. Со спиннингом в руках и бычком «Беломора» в синем рту.

– А горячее здесь подают? – поинтересовался Зуля, судорожно сглотнув слюну и прислонившись к синему хвосту кудесницы моря. – Чего-то из-под хвоста пахнет. Рыбой. Килькой.

– Ну ладно, Казимир. Ты под хвостом пока понюхай. А мы на беседу отойдем, – и Филипок подтер под носом и подтолкнул Эда к железной, покрашенной веселой непонятной краской двери. Распахнув ее, Эдвард зашел в полутемную небольшую комнатку. Где под мелодичную музыку «Рамштайна» и не менее мелодичное сопение Годзиллы сидел и попивал ароматный чаек Андрей Джонович.

– Проходи. Присаживайся. Поговорим, – старался казаться учтивым и гостеприимным Андре и указал взглядом на свободный стул. Эдвард присел и, глядя на чайник, вопросительно вытянул шею.

– Да, да, да. Наливай, конечно. Баранки вон. Закуси. Коль хочешь. Годзилла. Передай продукты.

Баранки оставляли желать лучшего, но за неимением бутербродов с икрой сгодились и они. Утолив первый голод чуть ли не ценой зубов, Эдвард все-таки решился спросить Андре о причине своего вызова. – Ну чего скажешь? Зачем звал?

– А звал я тебя вот зачем. Прослышал я о твоих поисках спонсорской помощи. В деле прокладки нового пути и уничтожения старого. Путем засыпки и закладки временно отслаивающихся и подкрепляющихся на временном участке обрабатываемой почвенно-заземляющихся и непосредственно углубляющихся...

– Сам-то понимаешь, чего говоришь? Цицерон.

– Короче, денег хочу вам предложить. Вы ж колодцы хотите копать? Вот я вам денег и дам.

– Чего, так просто и дашь? Или чем-то обязаны будем?

– Нет, обязаны не будете. То есть будете, но не обязаны. То есть обязаны будете, но... не будете. Короче, слушай дело. Дам я вам посылочку. Почему вам? Доверяю потому что безмерно. Я только вам. Надо будет довести эту посылку до адресата. И только до него, – вращая глазами, интимным го-

лосом нашептывал Андре. Пытаясь периодически вскочить и обнять Эда как родного.

– Что за посылка? – спросил Эдвард, ловко уворачиваясь от объятий. Чем самым вызывал у новоявленного дона нервный тик и беспокойство. – Объясни, не таясь.

– Сейчас объясню. Держи. Смотри, – Андрей Джонович пошуршал под столом и извлек на свет Божий кусок белого стекла. И, указав на него пальцем, продолжил: – Это алмаз. Чистой воды.

– Очень чистой воды?

– Чистейшей. Стоит очень много. И только ты. То есть только тебе. Я доверяю свои активы. Никто и никогда не смог бы как ты завоевать мое доверие. И потому я вручаю тебе этот алмаз. Сейчас в моей жизни произошел тактический пересмотр ценностей и сущностей. И для того, чтобы повесить свою значимость в этом мире и отказаться от материальных значимых ценностей, вызывающих судорожное желание...

– Какое желание?

– Судорожное... желание. А что? Что-то не так?

– Да нет. Все так. Продолжайте, – Эдвард слушал пафосную речь и думал о счастливом Зуле, оставленном за дверью и освобожденном слушать весь этот феерический бред.

– Ну вот, значит. Беспокойных и судорожных. Короче, отвезете по адресу. И получите денег. Билеты и командировочные выдаст Филипок. Филипок! Слышишь? Выдашь билеты. И командировочные.

Для Филипка, стоящего у двери и слушавшего пафосную речь патрона, предыстория заканчивалась не очень радужно. Сложилось неотвратимое впечатление того, что кто-то, но не они с Годзиллой, заработает кучу денег. И от этого было плоховато на сердце и на душе. Но в ответ пришлось кивать, соглашаясь со всем. – Хорошо. Выдам. Все.

Эдвард поднялся со стула и, завернув «алмаз» в лежащую на столе газетку, вышел в коридор. Где под хвостом синей русалки спал нетерпеливый Зуля.

Аккуратно ткнув его локтем в бок и дождавшись открытых глаз, Эд устало произнес: – Пойдем. Там все расскажу, – и вытолкнул Зулю на улицу.

* * *

– Куда этот рыжий таракан подевался? Опять все белье стираное синькой загадил. Опять Лауру гуталином намазал. Ох, бедная кошка. Ох, бедные родители. Когда же угомонится, дефективный? И родители-то воспитанные, интеллигентные. И сестра – вежливая красавица. А этот? Ох, тюрьма по нему плачет. Ох, плачет. В армию бы забрали поскорей, иудушку. Сил нет терпеть его. Нет. Сил. Уволюсь. Лучше подавание просить на вокзале, чем это отношение к себе. Лучше на помойке проживать, но знать, что проснешься завтра. Чем здесь. Когда каждую минуту над тобой висит дамоклов меч расправы и фантазий этого выродка.

– Ну, Луша. Ну зачем вы так? Ну какая армия нашему мальчику? Он же в школе еще учится. Ну, любит он иногда поразвлечься. Но все равно же, он такой милый. И вас он всегда приветствует. Пусть это чуть-чуть громче обычного и с огнями. Но приветствует. А Глеб Егорыч даже сказал, что больничные будет оплачивать. Если это приветствие будет некомфортно. Мы же любим нашего Воника? Мы же любим наше рыжее чудовище? И деньги, которые мы здесь получаем. Мы тоже любим. Поэтому отбросим прочь все требования порядка и вежливости. Все требования любви и ласки. И продолжим нагружать свой организм встрясками и дискомфортом. Все равно, при всей нашей нелюбви к действительности и порокам победит наша любовь. К материальной выгоде и... всем мелочам. С этой выгодой связанных. А Воник? Этот рыжий сын не рыжего отца ушел гулять. И пусть он гуляет целый век. Потому что, чем дольше он на прогулке, тем громче режут соседи. Тем больше катаклизмов случается не здесь, а вне. Тем счастливее наше внезапное одиночество.

Внезапно кинутый в окно камень прервал диалог двух экономок, стоящих в дальней комнате роскошного дома, и ведущих диалог касаясь рыжего сына их хозяина. Луша подошла к окну и тихонько вытащила лицо из-за угла, боясь прилета следующего камня. Картина, представшая перед глазами, была до боли знакомая. Внизу на клумбе с красивыми, но уже втоптаннами в землю цветами, стоял сын ихнего работодателя. Сын незабвенного Глеба Егоровича. Рыжий и

беспредельный отрок. Рыжий Воник.

Глава 5

Бумажный план авантюристов

– Нет, шеф. Вы, конечно, фигура сугубо самостоятельная и без сомнения подкованы на всякого рода «поганках». Но когда по вашему желанию мимо нашего рта проплывает кусок белого хлеба с шоколадным маслом! Мы на это смотрим отрицательно. Правда, друг?

Но друг не отозвался на вопрошающую речь Филипка. Он стоял, очарованный, и смотрел в дальний угол комнаты, где толстый мохнатый паук под хрип садиста из Рамштайна давил зеленую навозную муху. Короткий ласковый удар под «ложечку» вернул это тело из небытия в реальность. Годзилла икнул и прохрипел: – Да... Шеф... Масло... м-м-м... рот... друг... А на фига это всё надо? – сжав кулаки и отклячив от непереносимой обиды нижнюю губу, он опять вперил безумный взгляд в угол комнаты, забыв обо всем на свете.

– Ну что ж. Видно, и моя очередь настала рассказать вам о масле. О Бутане. И о длинных очередях в мексиканское посольство. Всех желающих бесплатно и одновременно получить вид на жительство в этой скромной и благополучной стране, – Андрей Джонович слегка прослезился, но, подавив в себе эмоции, продолжил: – Вы же хотите заработать маленько денег на жизнь? Вижу. Хотите. Я тоже, к счастью,

этого хочу. И не машите репой своей бестолковой, Филипп, в этой жизни все решения буду принимать я, а вот когда вы будете на моём месте, но вы никогда на нем не будете. То будете решать... нет, не вы... Годзилла будет решать. Да что он там стоит как статуя алебастровая. Пните его. Не могу же я в пустоту орать.

Но Филипок, озадаченный витиеватой речью шефа, не решился вторично приложиться по Годзилле и поэтому лишь легонько толкнул его. – Продолжайте, шеф. Он всё слышит.

– Ну, вот значит. Масла нет. Тьфу ты!

– Мы чего, масло повезем? Во незадача. Во день непрущенный. Сначала двум кексам заработок в виде стекла непонятного отдали. Потом выясняется, что надо не пойми куда везти не пойми что. И этот убогий стоит. Хоть бы слово молвил, – Филипку даже захотелось выругаться матом на Годзиллу, но, судя по тяжёлому дыханию, тот вконец пришел в себя, и поэтому грек не решился испытывать судьбу.

– Да нет, друзья мои суровые. Ни пропан, ни бутан непричем совершенно. Причем, эти два кекса, как позволил себе выразиться Филипп. Которым я впарил под видом необработанного алмаза кусок стекла со стеклянной фабрики имени пса Алого и его верного помощника Карацупы. И они купились. В их обязанность будет входить доставка этого камня по назначению в определенный пункт. В вашу обязанность будет входить негласное их сопровождение с последующим изъятием путем банальной кражи этого никому ненужного

стекла.

– И чо? – это уже подал голос тезка умершего ископаемого.

– А вот тут-то и самое главное, – Андре ласково, но с отращением обнял союзников за потные плечи и зашептал: – Вы же знаете, что они два миллионера подпольных, чёрт их возьми. Вы же знаете, какой кэш они сорвали с этого Пизанского туалета. А куча навоза за конюшней? Она им тоже принесла кой-какие дивиденды. А билеты? На Луну? Сколько было желающих? Только ты, толстомясый, отнес туда все деньги нашего фонда «Тайга для Лыковых и не только». Не помнишь? Я помню! А бесплатные туалеты в лесу? Нет, это не они. Это ты, Филипок, мне предложил. А я, дурак, купился. Ладно. Это почти в прошлом. В настоящем другое. Вы, значит, украдете. Ну, воруете, стекляшку. Они являются ко мне, не выполнив задачи поставленной. Я обязываю их мне заплатить. Вот и всё! Миллионеры – без денег, а вам – доля малая, слава и почет. И не надо ни о чём думать, и им, и вам билеты я уже взял. Выезд завтра. Помыться, побриться, горькую не пить. Завтра «как штыки» на вокзале дышите в спину этим двоим фраерам. Поняли?

– Чего ж непонятно-то, – с тоской на лице протянул грек. – Понятно, а причем здесь Бутан-то?

– Эх, други мои ситные, – с вожделием и лаской заговорил Андре. – Эх, други! Я ж по нации не американец какой-то. Не туземец с острова Пасхи. Я кровью своей чув-

ствую родство свое с неизведанным народом. Бутанянин я! Или Бутаниист. Не могу ещё правильно сказать. Получим миллионы за стекляшку, соберу вещи и в путь. Море там есть, наверное, буду на море жить, ни о чём не думая.

– А если нет. моря-то?

– Как нет? Море везде есть! Даже в Польше. Знамо дело.

– А какое там море-то? – переспросил Годзилла, торжественно икнув. – В Польше?

– Как. какое? Чёрное, конечно. Хорошее море!

И вот так, выслушав географические нотации, два бедолаги поплелись домой приводить себя в порядок перед дальней неизведанной дорогой. А в это время два других бедолаги обсуждали внезапно свалившееся на них счастье в виде нелепой стекляшки и неизвестной поездки.

– Ну что? Мой милый старинный друг, – произнес Эдвард, глядя задумчиво и прищурясь в противоположенную от Зули сторону. И поэтому было непонятно, к кому он обращается. То ли к напарнику, то ли к тряпичному рваному клоуну, валявшемуся в придорожной канаве. – Сведем дебет с кредитом и посчитаем сальдо. Так, в наличии у нас: А – стекляшка, неизвестной и непонятной пробы. Б – конверт, судя по толщине, напичканный билетами и деньгами. В – хитрющая рожа нашего работодателя.

– Почему стекляшка-то? – заволновался коллега. – А вдруг и не...

– Говорю – стекло, значит, слушай. Я ему этот кусок сам

впарил два года назад под видом космической пыли. Он просто забыл от волнения. Ладно. Надо отвезти, значит, отвезем. Тем более что все труды оплачиваются, – и, чуть-чуть подумав, бросил, – пошли, знаю куда.

Ничто не могло испортить комфортного настроения пришедшему летнему дню. Ни мухи. Плотным кольцом взявшие в осаду праздничную робу торговца космическими удовольствиями. Ни сигналы о помощи пассажиров воздушного шара из Южной Африки, приземлившимся в Антарктиде на дрейфующую льдину, ввиду плохого образования его запускавших. Ни хромая лошадь, бесцельно бродившая у пекарни, пинавшая пустые банки из-под пива и наслаждающаяся их прощальным звоном.

Концессионеры шли вперед. Эдвард шагал нагло и упрямо, походкой побеждающего в этой жизни человека. Зуля наоборот семенил с видом вечного проигравшего.

– Вот и пришли, пожалуй, – ни к кому не обращаясь, произнес Эдвард и резко притормозил перед парадным входом старого, давно не ремонтируемого здания, на котором гордо висела ржавая, покосившаяся вывеска с вычеканенными строгими словами и почему-то на английском: Post-office. По-здешнему «Почта». По преданию её сюда приволок и обменял на шампанское старый местный рыбак Крилев Лола, обнаруживший её ниже по течению Гольфстрим.

– Так, Андриян. Слушай команду. Я зайду сюда. А ты медленно, но уверенно идешь в промтоварный магазин и поку-

паешь чертёжный футляр. Тубус называется. Он очень нам в дальнейшем пригодится. Зачем, потом объясню. Всё, вперед, времени мало. Ещё в порядок себя приводить. Да, мух за собой в магазин не волоки, разгони по дороге!

– Хорошо, шеф!

– О-о-о, шеф! А почему не босс? Или не патрон? Что, Зуля, мухи закусили?

– Нет, не закусили, но, учитывая тяжёлое положение в состоявшихся событиях, отдаю в ваши... в твои руки приоритет принятия окончательных решений и...

– Во как тебя в этой куче накрыло-то. И отпускать, видно, не хочет. Ладно, принимаю приоритет. Иди. Одна нога здесь, другая там.

Зуля выслушал, развернулся и, отмахиваясь от опьяневших мух, пошаркал за столь нужной в их деле штукой. Тубусом.

А Эдвард шагнул в почту, столкнувшись на входе с рыжим наглым отроком, хитро оглядывавшим всё вокруг, и с желанием, написанным на его лице: немедленно напакостить и убежать.

– Привет, девчонки! Бандерольку бы отослать. Можно? – крикнул в пустоту Эдвард, приблизившись к стойке.

– Кого посылать-то вздумал? То есть чего будешь? Слать? – пропела приемщица.

Эдвард достал из сумки кусок стекла, обтер его и с грохотом выложил на стойку: – Да вот. Корешку лучшему. Лун-

ный камень. В подарок. От нашего общества независимых экспертов группы «космопоиск». Он позавчера прилетел. Камень этот. Тёплый ещё. Вдруг он ещё информацию космическую в себе несёт. Вот друган и расшифрует её. А нам почёт и деньги!

– А-а-а! Ну ладно, отошлем. Ручку возьми, там, на цепочке привинчена. Бланк заполни, – и, немного подумав, добавила, как бы между делом. – Я когда на стекольном заводе пивные бутылки на заказ выдувала, у нас таких лунных камней на заднем дворе прорва валялась. Вот я не знала. Сейчас, наверное, уже почётным членом был бы Общества вашего!

Эдвард шагнул к столу и с удивлением обнаружил, что ручка отсутствовала. Присутствовала только цепь, на которой она, видно, держалась. Пошарив в кармане, он достал на свет зашарпанную шариковую ручку и сходу надписал бланк: «г. Вымя, ул. Вымя. Кошечеву В. Ы». Сложил вчетверо бумажку и незатейливо крикнул: – Эй, дядя, ручки-то нету. Чем написать-то? Пальцем?

Приемщица тоскливо почесалась, понюхала пальцы и торжественно резюмировала: «А ведь это он! Рыжий окаянец! Не зря он здесь час пасся. И анекдоты мне похабные рассказывал. Бдительность мою усыплял. Поймаю – уши оторву, извергу! На, ручку – пиши! Заведующей нашей, умницы».

С этими словами она передала в окошко неприхотливую ручку «паркер» с золотым пером. Эдвард постоял полминутки, засунул в окно бланк, кусок стекла, свою ручку с колпач-

ком от «паркера» и, увидев, как поданное им исчезло с глаз, развернулся и вышел прочь, на улицу.

Но то ли нога подвела на выходе, то ли что-то наложенное котами вынудило потерять равновесие. Эдвард упал.

Но обидно было и не само падение. И не издевательское наслаждение со стороны посторонних этим падением. Обидно было, что ладони, выставленные вперёд, уткнулись прямо в самый центр нехорошей кучи. И ничего поделать уже было нельзя.

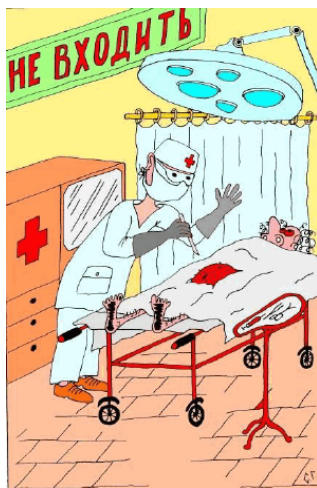
Привстав на коленки и с отвращением глядя на свои ладони, Эдвард обнаружил, что к ним вместе с кошачьим дерьмом ещё прилипла какая-то неведомая желтая медалька, тоже сильно замазанная и дурно пахнущая. Но, благо, рядом, как и везде, была вечная антикварная лужа размером с озеро Байкал, и проблема решалась.

Эд подошел к этому маленькому здешнему озерцу, с отвращением, сглатывая предательскую слюну, прополоскал свои ладони и оказавшуюся в руках медальку.

– Чего, помыться решил? Я видел, как ты грохнулся. Думал, нашел чего. Уж очень быстро ты нырнул. О, и правда, чего-то нашел! Дай глянуть одним глазком. Ну, лиса какая-то. Монгольская, похоже. Лыбится, сволота. Похоже, над нами смеется, – стоял рядом Зуля и причитал. С тубусом и без шлейфа пьяных мух.

В ладони у Эдварда лежала жёлтая медаль с рожицей хитрой, смеющейся лисицы, которая словно предлагала новому

владельцу себя в качестве охранной грамоты на ближайшее неизведанное время. Подкинув в руке неведомую цацку, Эд окинул взглядом придорожные кусты, заметил в них спящую козу, выпущенную на вольные хлеба, прицелился и... бросил медаль в карман.

Глава 6

– Извините, извините... да извините вы. Да пошел ты... Дай пройти... встал как лошадь. Ни туда ни сюда. Девушка, скажите, я могу?.. Слушайте, вы!!! Сволочь, чего мне в бокто суете? Девушка, я могу?.. Ты, урод, я же сказал... Девушка, вот деньги... Дайте мне... ага... ага... мне. Два билета. Куда? Не знаю. Главное, чтоб сутки ехать. Ага. Во. Спа... Ну, убогий, ты допросился, – сорвав голос и потеряв ящик нервов, Эдвард, наконец-то, приобрел долгожданные билеты непонятно куда. Дело оставалось за малым: встретить дольщика, с которым было обговорено место и время встречи. И дожидаться поезда, который увезет их в неведомые края.

Выйдя из вокзала ещё под сильным впечатлением от невоспитанности отъезжающих, Эд сразу же увидел Зулю, державшего в одной руке тубус, а в другой руку рыжего чудовища, по вине которого заведующая почтой лишилась всех привинченных ручек, ну и своего «паркера» в том числе.

Эдварда такой расклад явно не устраивал, и он решительным шагом направился к стоящей у столба парочке, полный решимости закатить скандал.

Увидев подходящего компаньона, Адриан заулыбался, зачесался и спрятал рыжего за спину, состроив при этом отсутствующую мину.

– Слышь, Зуля. Ты чего за клюквой собрался? Чего за на-

ряд? Сапоги болотные, плащ какой-то покоцанный. Харя вся в газетах. Шапка зимняя. Клещ какой-то рыжий рядом. Ты чего? Нам ехать сутки. Тебя сейчас в исправдом заберут, личность выяснять. С какой ты помойки сюда явился. Валенки бы одел. На улице лето. Забыл что ли от волнения. Я с тобой с таким не поеду, – Эд сделал движение в сторону, показывая всем видом, что собирается уходить, но немножко задержался.

Напарник взял его нежно за локоток и виноватым голосом залепетал: – Сейчас все расскажу. Сейчас... сейчас... С чего начнем?

– С него, – тоном, не терпящим возражений, сказал Эд и ткнул пальцем в рыжего юнца. – Кто это, моншер? Откуда ты его надыбал?

– Это мой друг! То есть мой новый, внезапный друг! Я встретил его сегодня случайно. Возле валенок, чугунных. Он там стоял. И не знал, что к нему идет избавление в моем благородном лице. Он «потеряшка». Он отстал. Правда, я не понял от кого, но ему, он сказал, надо ехать. Я решил, может, ему надо ехать с нами? Ты сам с ним поговори. Он тебе лучше всё расскажет. Давай возьмём его с собой. Довезём его до дома.

– До какого?

– До евоного!

– А! Да до его дома его везти не надо. Он сам дойдёт. Недалеко. Ты знаешь, кто этот «потеряшка»?

– Я? Нет. Он не раскрыл тайны своей. Мне.

– Ладно. Хватит, – Эдвард устало махнул рукой и свистнул, подзывая рыжего шкета. Тот незамедлительно подбежал, но остановился в сторонке, на расстоянии, чтобы в случае опасности успеть унести ноги.

– Ну, привет... «потеряшка», – сказал Эдвард, протягивая руку.

– Ну, привет, – проговорил рыжий шкет, но руки не подал, а спрятал за спину.

– Знакомься, Зуля. Перед тобой стоит достойный отрок. Сын своего отца. Тоже не менее достойного. Иван Глебович. Ваня. Более известен местным жителям, безмерно страдающим от него, под благозвучным именем Воник. Его папа, достойнейший Глеб Егорыч, на данный момент является, как тебе, Зуля, известно, головой нашего города. Поэтому этот маленький сатрап проводит свои акции, никого и ничего не боясь. Видишь, Адрияныч, как ларчик просто открывается. А ну, быстро домой! Я ж не папенька. Я быстро тебя в чувство приведу.

– Постой, постой, Эд. Может, ты путаешь? Он же рыжий. А Глеб Егорыч и его половина тёмные. Может, это не он?

– Да он это, он, – потянулся Эдвард и уже без крика. – Отсылай его домой, скоро ехать. Билеты я взял. А чего ты так оделся-то? Чепушило.

– Ой ты! Гуслик, как он тебя забавно назвал. Петушило. Ой, рассмешил, – заулыбался во весь рот рыжий Воник, не

забывая искоса контролировать действия Эда.

– Даже не знаю. Хотел по-праздничному. Побрился, помылся. Вот лицо маленько порезал бритвой. Сунулся в шкаф, а костюм дырявый. Мыши, видно, продырявили. Ну и прикинулся по-спортивному, – не хотел Зуля оправдываться, но надо было.

– Да! Экипировка хоть куда! Но сапоги надо поменять на более удобную обувь. Народ не поймёт. Короче, или ты едешь без сапог, или я еду один. Понятно, монсеньер?

Похоже, вопрос с переобувкой Зули так и завис бы в воздухе нерешённым, если б не неожиданное вмешательство в назревшую ситуацию наглого юнца.

До сих пор, пока Эдвард отчитывал компаньона, грозя ему увольнением, разжалованием, гауптвахтой, рыжий «перец» мирно стоял в сторонке и с упоением ковырял в носу. Но как только Эд залез в свой карман и извлек на свет потасканный конверт с билетами, выюнош быстро оказался рядом. Беседа между компаньонами и рыжим отроком длилась недолго, минут сорок, сопровождалась дикой жестикуляцией, уходом и приходом всех вместе и каждого по отдельности, некоторыми нецензурными словами и составлением кукишей перед лицами.

Преимущественно перед лицом Воника.

Наконец дискуссия подошла к своему завершению. На свет всплыл конверт с билетами, купюра в сто рублей и медалька с хохочущим Патрикеем. Всё это незамедлительно

перекочевало в карман Рыжего, и процессия, раздвигая ногами лужи, поперлась вперед, к дому отца своего сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.